

**ЯЗЫКОВАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

Л. В. Топка

*Кандидат филологических наук, доцент,
Евразийский лингвистический институт,
Московский государственный лингвистический
университет, г. Иркутск, Россия*

**LINGUISTIC MARKEDNESS OF THE SPEAKER'S SOCIAL STATUS
IN DIFFERENT TYPES OF LANGUAGES**

L. V. Topka

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Euro-Asian Linguistic Institute,
Moscow State Linguistic University,
Irkutsk, Russia*

Summary. Linguistic markedness of speaker's social status in English, Russian, and Japanese forms oppositions: in terms of lexical markedness – gradual type of opposition: English – Russian – Japanese; from the point of view of formal, grammatical, representation of speaker's social status – privative type of opposition, where the weak, unmarked member is English and strong, marked members are Russian and Japanese.

Keywords: social situation; social status; linguistic markedness; speech behaviour.

Выбор говорящим субъектом той или иной языковой формы выражения своего речевого поведения обусловлен совокупностью его постоянных социальных признаков – этнических, экономических, профессиональных и других, «... изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всём богатстве нюансов естественного языка» [6, с. 5].

Несмотря на определенный набор стабильных социальных признаков, говорящий субъект способен самостоятельно изменять свой социальный статус, варьируя определенными языковыми средствами, производя изменения как в своём речевом поведении, так и в поведении коммуникативного партнёра. Одним из факторов, влияющих на речевое поведение, является направление общения, зависимое от социального положения говорящего относительно социального статуса адресата, – восходящее, нисходящее (в терминах В. И. Карасика – нисходящий или восходящий статусный вектор [6, с. 84]) или же общение между равными.

Статусные изменения социально обусловлены, в различных коммуникативных ситуациях говорящий субъект

отражает разные позиции социальной иерархии, при этом ни одна ситуация общения не выявляет полного набора признаков, составляющих его социальный статус, считая релевантными только те из них, которые определяют его речевое поведение в данной коммуникативной ситуации.

Как полагают современные исследователи, «собственно объектом социолингвистики как самостоятельной научной отрасли можно считать только коммуникативную ситуацию. Все прочие ситуации, отражающие различные аспекты жизни общества, входят в социолингвистическое описание лишь в той мере, в какой они связаны с коммуникативной ситуацией, т. е. влияют на её формирование или, напротив, испытывают обратное влияние с её стороны» [2, с. 38]. Социальная ситуация, включающая в себя прагматические характеристики её участников, является частью коммуникативной (речеведенческой) ситуации, поскольку статусно-ролевая характеристика коммуникантов – это составной элемент любой поведенческой ситуации, в соответствии с которым группируются отдельные, репрезентирующие её поведенческие тактики (см., например, [12, с. 33]).

Сравнительный анализ языков различных типов – английского, русского и японского, имеющих формально и неформально представленное репрезентативное измерение социального статуса, позволяет выявить универсальные черты и этноспецифические особенности способов языковой маркированности социального статуса говорящего субъекта.

Английский язык не имеет формальных (грамматических) показателей репрезентативного измерения социального статуса, за исключением случаев употребления неопределенного артикля с именами собственными, однако обладает определенной лексической статусной маркированностью. Социальный статус англоговорящего субъекта выражается в речи лексикой так называемого высокого стиля, в роли маркеров которого выступают лексические единицы, как правило, разного рода обращения или титулования (см. подробнее [20]), непосредственно указывающие на статус партнера по коммуникации, репрезентируя его принадлежность к конкретному социальному слою, например, при коммуникативном взаимодействии между равными:

He (Lord Bourton) stood up, preparing to leave, but (Prince) Hussein made no move. «As my wife mentioned, we have made some inquiries, Lord James, and it seems to me that there might be certain advantages to you in coming to an agreement with us» [15, p. 605].

Как заметила моя жена, мы навели кое-какие справки, Лорд Джеймс, и мне кажется, что Вам было бы выгодно прийти к соглашению с нами.

В английском языке титулование используется достаточно широко в государственной, академической, юридической, медицинской, религиозной и других социальных сферах. В японском языке категория титулования чрезвычайно развита, но, как правило, не имеет специфических форм, поскольку для её выражения используется прямое указание на социальный, чаще всего профессиональный, статус адресата. В русском языке титулование используется крайне редко, как правило, в устоявшихся клише, например, в юридическом дискурсе.

При неравном статусном взаимодействии может наблюдаться наме-

ренное понижение говорящим своего социального статуса, например, в речеповеденческой ситуации сарказма:

Joe Pearson signed the last paper and thrust the batch, almost savagely, at little Miss Mildred. «Maybe I can get on with some real work now, eh?» [18].

Джо Пирсон подписал последний документ и грубо сунул пакет в руки маленькой мисс Милдред. «Может быть теперь я могу приступить к важной работе, а?».

Критическое замечание, направленное на самого себя, при интеракции коммуникантов в отношении субординации при нисходящем социальном векторе характерно для речевого поведения индивида в потенциально конфликтных ситуациях (см. подробнее [10, p. 387]).

В ситуации намеренного повышения говорящим своего социального статуса, при категоричном речевом поведении, в его высказывании содержится прямое указание на статус, «категоричность является тактическим приёмом, который используется коммуникантами для достижения определённой цели воздействия, оказывая влияние на характер их взаимоотношений, создавая напряжённую атмосферу общения, а иногда и острую конфликтную ситуацию» [13, с. 106]:

I'm chief. I'll go. Don't argue. (...) You. Hide here. Wait for me [17, p. 168].

Я шеф. Я пойду. Не спорьте. (...) Вы. Спрячьтесь здесь. Ждите меня.

Оспаривание, а также нивелирование статуса партнера по коммуникации может произойти за счёт искусственного повышения говорящим субъектом своего социального статуса при намеренном сокращении дистанции с незнакомым человеком, априори занимающим более высокую социальную позицию, в таком случае статусные соотношения отходят на второй план, уступая место соотношению ролей. Как, например, в случае «проявления заботы» захватчиком, мелким наркодилером, о судьбе своего заложника – финансового магната:

You gotta eat to keep your strength up, partner. I wouldn't want you to get sick. We have a lot to do [19].

Ты должен есть, чтобы сохранить силы, партнер. Я бы не хотел, чтобы ты заболел. У нас куча дел.

В подобных ситуациях, как правило, используются лексемы, репрезентирующие мнимое родство:

– *Pardon me, brother.*

– Yes? What is it?

– *I see you have books under your arm, brother. It is indeed a rare pleasure these days to come across somebody that still reads, brother* [16].

– *Извини, брат.*

– Да? Что такое?

– *Я вижу у тебя книги, брат. Это действительно редкое удовольствие в наше время наткнуться на кого-нибудь, кто все ещё читает, брат.*

Данное явление также характерно и для русского языка в ситуации сокращения дистанции между участниками коммуникации путём «обращения, указывающего на мнимое родство: *мой бабушка, дитя моё, матушка* для установления тесного контакта, доверительных, «родственных» отношений» [11, с. 160]:

Полно вам, матушка Анна Павловна, слезы-то тратить! – сказал Антон Иваныч с притворной досадой, наполнив рюмку наливкой [3, с. 26].

Русский язык обладает не только лексическими, но и грамматическими средствами выражения социального статуса, например, формой множественного числа второго лица местоимения как показателем вежливости, что делает его (язык) маркированным членом оппозиции по наличию формальных признаков репрезентативного уровня. Одна из национально-культурных особенностей русского языка – использование отчества (patrimonial name) при обращении к адресату, достигшему определенного возраста, является этноспецифическим средством социальной маркированности:

Скажите мне ваше откровенное мнение, Дмитрий Прокофьевич! Вы лучше всех знаете характер Роди и лучше всех можете посоветовать [4, с. 242].

В русском языке форма множественного числа используется как общая гоноративная форма при восходящем статусном векторе общения, тогда как в английском и японском языках данная категория не репрезентирует качественные изменения, а лишь количественные и используется в своем

прямом значении – для обозначения множественности предметов.

Другим языковым средством репрезентации социального статуса в русском языке является архаичная аналитическая глагольная конструкция со специфическими предикатами (*пожалуйста откушать, извольте пройти, извольте почивать*), а также сочетание формы множественного числа предиката с единственным числом субъекта, указывающие на низкий статус говорящего:

Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично [4, с. 87].

Ещё одним морфологическим средством статусного маркирования, ныне вышедшим из употребления, но активно использовавшимся в русском языке ещё в начале прошлого века, является постфикс *-с*, или словоерс:

Приходите-тко завтра, часу в семом-с. (...) Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с (...) вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь. Оно дело выгодное-с. (...) В семом часу, завтра; и от тех придут-с; самолично и порешите-с [4, с. 87–88].

В современном русском языке данный постфикс используется крайне редко и лишь для выражения иронии, выполняя функцию депрециатива – демонстративного самоунижения с целью повышения статуса партнера по коммуникации, что в большей степени характерно для японского языка (см., например, [5]). Если в русском языке данное явление встречается не часто, то для японского языка – это национально-культурный феномен, имеющий формальную репрезентацию.

При неравном статусном взаимодействии, при далекой психологической дистанции коммуникантами используются языковые элементы разных стилей речи:

– 搭乗開始のアナウンスがありましたか。

– はい、出発のチェックインはA・2のカウンターでございます。

– Tōjō kaishi no anaunsu ga arimashita ka.

– Hai, shuppatsu no chekkuin wa A 2 no kauntādegozaimasu.

– Извините, было ли объявление о начале посадки?

– Да, регистрация на рейс проходит у стойки A-2 [7, с. 32].

В вышеприведенном примере адресант, являясь клиентом аэропорта, употребляет конструкции нейтрально-вежливой речи – *тейнейго*, а его коммуникативный партнёр, будучи сотрудником аэропорта, – конструкции сверхвежливой речи – *кейго*. Необходимо отметить, что японцы придают *кейго* (буквально – «почтительный, уважительный язык»), большое значение, активно используя в нормативной ситуации в отношении субординации, например, при этикетном взаимодействии с клиентами. «Этикетные отношения проявляются в любом языке, но в японском языке их выражение особо многообразно. Выделяется, прежде всего то, что эти отношения здесь выражаются в грамматике» [1, с. 118].

Грамматическая маркированность социального статуса коммуникантов также наблюдается и в коммуникативной ситуации с восходящим статусным вектором:

–あれ？千姫さま？何を見ていらっしやるんです？

–昔のアルバムよ。宗朗もご覧なさいな。[14].

–Are? Senhime-sama? Nani o mite irassharu ndesu?

–Mukashi no arubamu yo. Sō akira mo goran nasai na.

–Эй? Принцесса Сен? Что вы рассматриваете?

–Старый альбом. Мунекира, ты тоже взгляни.

В вышеприведенном примере формы сверхвежливой речи *кейго*, а именно статусный суффикс 姫 (*hime*) принцесса и уважительный именной суффикс 様 (*sama*) в высказывании говорящего, репрезентируют статусное превосходство адресата. В то же время междометие *あれ* (*are*) и глагольный постфикс *ん* (*n*) нельзя отнести к высокому стилю, поскольку в сверхвежливой речи при взаимодействии индивидов, между которыми есть значительная социальная дистанция, просторечные языковые формы недопустимы. Отсутствие гоноративных глагольных флексий в ответном высказывании партнера по коммуникации также указывает на близкую психологическую дистанцию между ними и неформальную обстановку общения.

Близкая психологическая дистанция при равном статусном взаимодействии в японском языке также грамматически маркирована:

–「ここが客間でここが書斎、ここが和彦の勉強部屋で、ここが茶の間、どの部屋も日光がいっぱい、スキマ風がはいらないのよ」

–「そうだ、日光がさしこんで、スキマ風がはいらぬ家に住めば、周子の病気もなおるンだからね」[8, с. 14].

–*Koko ga kyakuma de koko ga shosai, koko ga Kazuhiko no benkyō heya de, koko ga chanoma, dono heya mo nikkō ga ippai de, sukima-fū ga hairanai no yo.*

–*Sōda, nikkō ga sashikonde, sukima-fū ga hairanu ie ni sumeba, Shūko no byōki mo naoru ndakara ne.*

– Вот общая комната для занятий, здесь кабинет Казыхико, вот гостиная, все комнаты заполнены солнечным светом и в них нет сквозняка.

– Да, жизнь в таких солнечных, не продуваемых ветром комнатах должна способствовать выздоровлению Сюко.

Просторечная форма глагола *hairanai* указывает на близкую психологическую дистанцию между коммуникантами и равенство их социальных статусов, а эмотивные постфиксы *よ* (*yo*) и *ね* (*ne*) являются дополнительными маркерами ненормативной ситуации общения.

Сравнение средств языковой репрезентации социального статуса в английском, японском и русском языках выявило универсальную статусную категорию обращения. В японском языке в качестве обращения чаще всего используются именны постфиксы, выбор которых отвечает за его формальность, а также служит показателем социальной и психологической дистанции между говорящим и адресатом. В английском языке в нормативной ситуации преобладает использование общих обращений в сочетании с фамилией адресата, в неформальной ситуации общения может использоваться лишь имя.

Русский язык репрезентирует социальный статус посредством обращения с указанием отчества (*patrimonial name*) и так называемого «вежливого» местоимения второго лица, являя различную социальную дистанцию, причём характерной особенностью русского языка

считается сближение психологической и социальной дистанций между коммуникантами до короткой, «а по меркам европейских культур даже до сверхкороткой» (см., например, [9, с. 164]. Можно сказать, что «...русский человек, осознающий себя лишь в единстве с другими членами общества (частью огромной семьи), не признает автономность, суверенитет другой, отдельной личности и, следовательно, допускает вторжение в её сферу при любых обстоятельствах взаимодействия... Однако категоричность и прямолинейность высказывания русскоговорящего – это не признак его грубого, невежливого поведения, поскольку снижение категоричности высказывания не является характерной, нормативной чертой речевого поведения представителей русской лингвокультурной общности» [11, с. 163].

Русский язык занимает срединную позицию в иерархии социальной маркированности сравниваемых языков, составляя одну из оппозиций с английским языком, являясь её сильным членом, обладая широким набором единиц языковой репрезентации социального статуса. Использование категории множественного числа для статусной маркированности, а также отчества (*patrimonial name*) увеличивает количество возможных вариантов обращения, а аналитические формы определенных глаголов и постфикс *-с*, хотя и являются архаичными, активно употребляются при намеренном понижении говорящим субъектом своего статуса в потенциально конфликтных речеведческих ситуациях.

Японский язык обладает развитой системой как именных, так и статусных постфиксов, необходимых не только для создания маркированных по вежливости обращений и титулований, но и для репрезентации статусно-ролевых отношений между коммуникантами при наличии продуктивных способов их образования, позволяющих подбирать нужное обращение при отсутствии устоявшегося клише. Языковые формы, показывающие статусно-ролевые соотношения участников коммуникации, делятся на три различных группы (просторечные формы, формы нейтрально-

вежливой речи – *тейнейго* и формы сверхвежливой речи – *кейго*) и отражают присущую ему наибольшую статусную маркированность среди сравниваемых языков.

Английский язык является наименее статусно маркированным, поскольку в нём практически отсутствует грамматическая репрезентация социального статуса, лексическая маркированность проявляется, как правило, в обращениях и титуловании путём использования немногочисленной группы лексем с гоноративными коннотациями, употребляющимися в зависимости от социального положения индивида, его должности, имеющими место быть почти исключительно в формальной речи, являясь частью определённых этикетных клише.

Статусная маркированность сравниваемых языков образует оппозиции: с точки зрения лексической маркированности – градуальную (по увеличению степени маркированности) английский – русский – японский; с точки зрения формальной, грамматической, репрезентации социального статуса – привативную оппозицию, при слабом, немаркированном – английском и сильных, маркированных – русском и японском языках.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Япония : язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 208 с. – (Studia philologica).
2. Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Социолингвистическая типология. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 136 с.
3. Гончаров И. А. Обыкновенная история. – М.: Художественная литература, 1975. – 304 с.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман. В 6 ч. с эпилогом. – М.: Просвещение, 1982. – 558 с.
5. Звягин Ф. Е. Грамматический аспект категорий вежливости глагола в японском языке // Вестник Омского университета. Серия Филология. – Омск: ОГУ, 2000. – № 2. – С. 99–102.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
7. Мишина М. А. Японский язык. Устный перевод на средних семестрах. – М.: Тривола, 1995. – 190 с.
8. Морияма К. Итинодзе и Аоба. – Канадзава: Китагуни Сёрин, 1970. – 292 с.

9. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские : коммуникативное поведение. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 328 с.
10. Топка Л. В. Некатегоричность // Внутренний мир человека : Семантические константы : коллективная монография к юбилею доктора филологических наук, профессора Ю. М. Малиновича. Гл. 12. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – С. 359–396.
11. Топка Л. В. Некатегоричность/Категоричность : лингвокультурологическое освещение // Концепты. Категории : Языковая реальность : коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович : Раздел II, Глава 5. – Иркутск, 2011. – С. 130–163.
12. Топка Л. В. Некатегоричность : опыт прагма-семантического исследования. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6–8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 157 с.
13. Топка Л. В. Категоричное речевое поведение : Универсальные и этноспецифические средства репрезентации // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях : материалы IV международной научно-практической конференции 1–2 декабря 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
14. Фуука Ч. Hyakka Ryouran Samurai Bride 4koma Comic. URL: <http://hyakka-ryoran.net/comic/comico37.php> (дата обращения: 12.12.2013).
15. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
16. Burgess A. A Clockwork Orange. – William Heinemann, 2012. – 352 p.
17. Golding W. The Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow : Progress Publishers, 1982. – 496 p.
18. Hailey A. The Final Diagnosis. – A Dell Book, 1986. – 310 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991. – 405 p.
20. Styles of the members of the British Royal Family / Heraldica. URL: http://www.heraldica.org/topics/britain/prince_highness.htm (дата обращения: 05.09.2014).
5. Zvjagin F. E. Grammaticeskij aspekt kategorij vezhlivosti glagola v japonskom jazyke // Vestnik Omskogo universiteta. Serija Filologija. – Omsk : OGU, 2000. – № 2. – S. 99–102.
6. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa. – М. : IT-DGK «Gnozis», 2002. – 333 s.
7. Mishina M. A. Japonskij jazyk. Ustnyj perevod na srednih semestrah. – М. : Trivola, 1995. – 190 s.
8. Morijama K. Itinodze i Aoba. – Kanadzava : Kitaguni Sjorin, 1970. – 292 s.
9. Prohorov Ju. E., Sternin I. A. Russkie : kommunikativnoe povedenie. – М. : Flinta : Nauka, 2006. – 328 s.
10. Topka L. V. Nekategorichnost' // Vnutrennij mir cheloveka : Semanticheskie konstanty : kollektivnaja monografija k jubileju doktora filologičeskijh nauk, professora Ju. M. Malinoviča. Gl. 12. – Irkutsk : IGLU, 2007. – S. 359–396.
11. Topka L. V. Nekategorichnost'/Kategorichnost' : lingvokul'turologičeskoe osvешhenie // Koncepty. Kategorii : Jazykovaja real'nost' : kollektivnaja monografija k jubileju professora M. V. Malinoviča : Razdel II, Glava 5. – Irkutsk, 2011. – S. 130–163.
12. Topka L. V. Nekategorichnost' : opyt pragmasemantičeskogo issledovanija. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6–8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 157 s.
13. Topka L. V. Kategorichnoe rechevoe povedenie : Universal'nye i jetnospecificheskie sredstva reprezentacii // Praktika kommunikativnogo povedenija v social'no-gumanitarnykh issledovanijah : materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 1–2 dekabrja 2013 goda. – Praga : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
14. Fuuka Ch. Hyakka Ryouran Samurai Bride 4koma Comic. URL: <http://hyakka-ryoran.net/comic/comico37.php> (data obrashhenija: 12.12.2013).
15. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
16. Burgess A. A Clockwork Orange. – William Heinemann, 2012. – 352 p.
17. Golding W. The Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow : Progress Publishers, 1982. – 496 p.
18. Hailey A. The Final Diagnosis. – A Dell Book, 1986. – 310 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991. – 405 p.
20. Styles of the members of the British Royal Family / Heraldica. URL: http://www.heraldica.org/topics/britain/prince_highness.htm (data obrashhenija: 05.09.2014).

Bibliografičeskij spisok

1. Alpatov V. M. Japonija : jazyk i kul'tura. – М. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. – 208 s. – (Studia philologica).
2. Vinogradov V. A., Koval' A. I., Parhomovskij V. Ja. Sociolingvističeskaja tipologija. Izdanie 2-e, ispr. i dop. – М. : Izdatel'stvo LKI, 2008. – 136 s.
3. Goncharov I. A. Obyknovennaja istorija. – М. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 304 s.
4. Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie : roman. V 6 ch. s jepilogom. – М. : Prosvешhenie, 1982. – 558 s.
5. Zvjagin F. E. Grammaticeskij aspekt kategorij vezhlivosti glagola v japonskom jazyke // Vestnik Omskogo universiteta. Serija Filologija. – Omsk : OGU, 2000. – № 2. – S. 99–102.
6. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa. – М. : IT-DGK «Gnozis», 2002. – 333 s.
7. Mishina M. A. Japonskij jazyk. Ustnyj perevod na srednih semestrah. – М. : Trivola, 1995. – 190 s.
8. Morijama K. Itinodze i Aoba. – Kanadzava : Kitaguni Sjorin, 1970. – 292 s.
9. Prohorov Ju. E., Sternin I. A. Russkie : kommunikativnoe povedenie. – М. : Flinta : Nauka, 2006. – 328 s.
10. Topka L. V. Nekategorichnost' // Vnutrennij mir cheloveka : Semanticheskie konstanty : kollektivnaja monografija k jubileju doktora filologičeskijh nauk, professora Ju. M. Malinoviča. Gl. 12. – Irkutsk : IGLU, 2007. – S. 359–396.
11. Topka L. V. Nekategorichnost'/Kategorichnost' : lingvokul'turologičeskoe osvешhenie // Koncepty. Kategorii : Jazykovaja real'nost' : kollektivnaja monografija k jubileju professora M. V. Malinoviča : Razdel II, Glava 5. – Irkutsk, 2011. – S. 130–163.
12. Topka L. V. Nekategorichnost' : opyt pragmasemantičeskogo issledovanija. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. Heinrich-Böcking Str. 6–8, 66121 Saarbrücken, Deutschland, 2012. – 157 s.
13. Topka L. V. Kategorichnoe rechevoe povedenie : Universal'nye i jetnospecificheskie sredstva reprezentacii // Praktika kommunikativnogo povedenija v social'no-gumanitarnykh issledovanijah : materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 1–2 dekabrja 2013 goda. – Praga : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 106–112.
14. Fuuka Ch. Hyakka Ryouran Samurai Bride 4koma Comic. URL: <http://hyakka-ryoran.net/comic/comico37.php> (data obrashhenija: 12.12.2013).
15. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
16. Burgess A. A Clockwork Orange. – William Heinemann, 2012. – 352 p.
17. Golding W. The Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow : Progress Publishers, 1982. – 496 p.
18. Hailey A. The Final Diagnosis. – A Dell Book, 1986. – 310 p.
19. Sheldon S. Memories of Midnight. – Warner Books, 1991. – 405 p.
20. Styles of the members of the British Royal Family / Heraldica. URL: http://www.heraldica.org/topics/britain/prince_highness.htm (data obrashhenija: 05.09.2014).

© Топка Л. В., 2015